

Му Цинфэн пристально смотрел на Гу Цзюньсюаня, его взгляд напоминал взгляд волка, готового в любой момент вцепиться в горло своей жертвы.

— Мой управляющий Чжоу Пин отвёл меня в заранее заказанный номер в башне «Чистой Луны», а затем вернулся в «Дэжуй», чтобы проводить гостей. Когда я был пьян и не мог соображать, ваш сын Гу Шаобай каким-то образом обошёл охрану и забрался ко мне в постель. Воспользовавшись моим состоянием, он совершил со мной непристойные действия и, как будто этого было мало, ещё и попросил за вашу семью право на закупку зерна. Это поистине смешно и отвратительно!

Он повернулся, взглянул на Гу Шаобая, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Через некоторое время он медленно открыл их:

— Если не верите, спросите вашего сына. Он знал, что сегодня мой день рождения? Он сам забрался ко мне в постель? Он совершил это грязное дело?

Гу Цзюньсюань медленно поднялся и, дрожа, подошёл к Гу Шаобаю. Его колени подкосились, и он опустился перед ним на колени. Голос его дрожал, но слова были чёткими:

— Шаобай, князь И говорит правду?

Шаобай всё это время стоял с опущенной головой, и никто не мог разглядеть его лица. Услышав вопрос отца, он медленно поднял голову. Его лицо было спокойным, как гладь воды, но глаза покраснели. Взгляд, полный стыда, был направлен на отца. Он не мог говорить, но через некоторое время тихо кивнул.

Гу Цзюньсюань, увидев его кивок, рухнул на пол. Его лицо стало измождённым, будто он внезапно постарел на десять лет. Обычно спокойное лицо теперь было бледным, как у мертвеца. Шаобай потерял мать в три года, с детства был невероятно умным, добрым и терпеливым. Он прекрасно играл на музыкальных инструментах, разбирался в шахматах, каллиграфии и живописи, а его внешность была столь прекрасна, что он стал известен по всему Цзинлину. В сердце Гу Цзюньсюаня смешались лёд и огонь, боль была невыносимой. Семья Гу, хоть и была купеческой, на протяжении столетий следовала принципам чести и добродетели. Хотя доказательства были налицо, он, как отец, знал, что его сын попал в ловушку. Но эта ловушка стоила ему не только чести, но и репутации семьи Гу, и, возможно, жизни всех её членов.

Долго думая, Гу Цзюньсюань повернулся к Му Цинфэну и глубоко поклонился, ударившись лбом о пол. Когда он поднял голову, на лбу остался красный след. Его взгляд был ясным, когда он поднял голову:

— Князь И, семья Гу признаёт свою вину. Третий сын семьи Гу, Гу Шаобай, не смог сохранить достоинство, совершил этот позорный поступок, запятнав честь князя. Это моя вина как отца, и я беру на себя всю ответственность!

Му Цинфэн, глядя на свои длинные, изящные руки, освещённые светом лампы, слегка улыбнулся:

— Это дело касается репутации императорской семьи. Если это станет известно, люди подумают, что я нарушил свои принципы. Вы думаете, что можете взять на себя всю ответственность?

Гу Цзюньсюань снова ударился лбом о пол:

— Пусть князь решает, как наказать нас. Семья Гу не будет возражать!

Хотя он ждал именно этих слов, Му Цинфэн не чувствовал радости. Его пальцы слегка дрожали, и он изо всех сил старался не смотреть на это бледное, беспомощное лицо. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул. В свете свечей было видно, как его губы слегка дрожат, но никто не осмеливался смотреть прямо на этого могущественного князя.

В комнате воцарилась тишина, только звук капель воды из медного сосуда в углу нарушал её. Каждая капля падала в тишину, словно ударяя по сердцу Шаобая. Он опустил глаза, глядя на блестящий пол, где отражались тени и свет. Внезапно он почувствовал, как все его чувства — любовь, ненависть — исчезают, оставляя только пустоту в сердце. Он стоял в ледяной тьме, и холодный ветер дул со всех сторон, пока его сердце не перестало биться. Оказывается, сердце действительно может умереть!

Прошло много времени, настолько, что все начали думать, что время остановилось, прежде чем Му Цинфэн снова заговорил, его голос был слегка хриплым:

— Отдайте приказ: императорский купец семья Гу, стремясь к личной выгоде, нарушила законы и принципы, опозорив милость императора. Министерство финансов лишает их звания императорского купца, конфискует их имущество и изгоняет из Цзинлина навсегда.

Гу Цзюньсюань почувствовал облегчение. Он понял, что Му Цинфэн, в конце концов, пощадил их семью, не доводя дело до крайности. Это преступление могло быть как лёгким, так и тяжёлым. Он мог передать дело в Палату Дали, где их могли обвинить в оскорблении императора и заговоре против князя, что могло закончиться казнью всей семьи или изгнанием. Этот исход был лучшим из возможных, и он поспешил поклониться в знак благодарности. Немного подумав, он осторожно спросил:

— Позвольте спросить, как князь намерен поступить с моим недостойным сыном?

Му Цинфэн, казалось, был крайне утомлён. Он закрыл глаза и слегка махнул правой рукой.

Пин-шу тихо сказал:

— Ему повезло, князь не будет его наказывать. Поблагодарите его.

Гу Цзюньсюань поспешил поклониться ещё раз, затем встал и попытался помочь Шаобаю подняться. Но он сам был настолько измучен, что едва мог стоять, не то что помочь кому-то. С трудом сдерживая слёзы, он, с разрешения Чжоу Пина, позвал Гу Цинбая, который ждал снаружи.

Гу Цинбай вошёл, сначала поклонился Му Цинфэну, а затем подошёл к Шаобаю. Увидев его, он почувствовал, как слёзы накатывают на глаза. Тот, кого они с отцом так любили и оберегали, теперь лежал на полу, как разбитая кукла, безжизненный и молчаливый.

Руки Гу Цзюньсюаня долго дрожали, прежде чем он смог развязать грубую верёвку, впившуюся в тело Шаобая. Одежда была порвана, и местами виднелись следы крови. Осколки фарфора глубоко впились в колени, и кровь продолжала течь. Он не мог даже стоять, не говоря уже о том, чтобы идти.

Когда верёвку сняли, руки Шаобая онемели. Цинбай, слёзы на глазах, развязал верёвку на его рте и вынул тряпку. В этот момент Шаобай не смог сдержаться, и кровь хлынула у него изо рта, заливая полуоткрытую грудь и разбрызгавшись по полу. Он изо всех сил старался сохранить

сознание, не желая терять его до конца.

Му Цинфэн, который всё это время холодно наблюдал за происходящим, резко вскочил, сделав шаг вперёд, но тут же остановился и сел обратно в кресло из сандалового дерева. Его руки, спрятанные в рукавах, сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но он, казалось, этого не замечал. Его взгляд был прикован к Шаобая, и в его глазах больше не было той холодности.

Цинбай наклонился, поднял Шаобая на спину, и вместе с отцом ещё раз поклонился, прежде чем выйти из комнаты, унося Шаобая на спине.

С самого начала и до конца Гу Шаобай так и не взглянул в сторону Му Цинфэна. Даже когда они исчезли в коридоре, он не обернулся.

Ночь была глубокой, свет лампы постепенно угасал. Люди в комнате уже тихо ушли. Му Цинфэн оставался в той же позе, в которой был, когда Шаобай ушёл, и долго не двигался. Прошло много времени, прежде чем на горизонте появился первый свет зари.

Чжоу Пин поставил на стол чашку горячего чая и тихо сказал:

— Князь, вы провели тяжёлую ночь, вам нужно отдохнуть.

Му Цинфэн не ответил, будто не слышал, и продолжал сидеть, уставившись на дверь. Когда он попытался заговорить, в груди закололо, будто кто-то проводил ножом по сердцу. Он резко наклонился, кашляя, и почувствовал, как в горло поднимается кровь. Он сглотнул её.

— Князь, — хотел поддержать его Чжоу Пин, но Му Цинфэн слегка отмахнулся.

Он сделал глоток чая, опёрся на стол и закрыл глаза, пытаясь отдышаться. Когда вкус крови стал менее ощутимым, он открыл глаза:

— Пин-шу, ты считаешь меня жестоким?

Чжоу Пин ответил:

— Князь, вы мстите за свою мать, использование некоторых уловок вполне оправдано.

Му Цинфэн горько усмехнулся и больше не сказал ни слова.

Чжоу Пин поклонился и уже собирался выйти, когда сзади раздался тихий голос, почти шёпот:

— Отправь людей следить за домом Гу. Я боюсь, что Шаобай...

Гу Шаобай лежал на спине брата, и слёзы, которые он сдерживал, наконец потекли по горячей шее Цинбая, пропитывая его одежду. Они лились и лились, пока он окончательно не потерял сознание.

Из-за тревоги Гу Шаобай спал всего пару часов, прежде чем проснулся. Открыв глаза, он увидел, что его брат сидит на краю кровати, с тёмными кругами под глазами и тревогой на лице. Он так задумался, что даже не заметил, как Шаобай открыл глаза.

— Брат, — Шаобай протянул руку, и Цинбай сразу схватил её.

Он сел и заметил, что раны на коленях были перевязаны, и теперь они слегка пощипывали.

— Брат, спасибо.

Цинбай улыбнулся, но ничего не сказал. Он взял с тумбочки миску ароматной каши и начал кормить Шаобая. Тот съел всего несколько ложек, но, чувствуя тяжесть на сердце, покачал головой.

Цинбай поставил миску и долго смотрел на Шаобая. Наконец, он протянул руку и коснулся его избитого лица:

— Больно?

Шаобай тихо ответил:

— Нет.

Уважаемые читатели, пожалуйста, добавьте эту историю в закладки!

<http://bllate.org/book/16730/1538436>